
А. А. Кузнецов

ИМПЕРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЖЕСТВА СРЕДИ НЕСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В статье рассмотрены проявления имперских тенденций во внешней политике (дипломатии) Владимирского (Ростовского) княжества в 1120–1238 гг. Первая часть статьи — историографическая. Вслед за работами В. Т. Пашуто, феномен внешней политики рассматривается в данной статье как тождественный феномену дипломатии. В ней доказывается, что В. Т. Пашуто, представитель «московской исторической школы», написал книгу о внешней политике Древней Руси в стиле «петербургской исторической школы». В первой части статьи прослежена эволюция оценки В. Т. Пашуто категорий «империя», «имперский» — от отрицательной (применительно к дипломатии Византии, Германской империи) до нейтрально-позитивной (применительно к народам в экономической и политической орбите Древнерусской государственности). Реабилитация категории «имперская» произошла у В. Т. Пашуто в период 1968–1982 гг. Доказывается, что имперская дипломатия проявлялась в эпоху политической раздробленности. Имперская функция внешней политики определяется как экспансия и как включение в орбиту государственности разных народов и культур. Для плодотворного изучения внешней политики Древней Руси в эпоху раздробленности надо рассматривать дипломатию отдельного крупного государственного образования (княжества) в системе всех его направлений. Предлагается четыре аспекта проявления имперской дипломатии. Один из них связан с отношениями с неславянскими нехристианскими народами, жившими по соседству. Импульсом для проведения имперской политики в виде экспансии служила военная экономика. Она обеспечивала потребности княжеских дружин. Их число должно было увеличиться в период раздробленности. Вторая часть статьи посвящена изучению динамики имперской дипломатии князей Владимирского (Ростовского) княжества по отношению к соседним неславянским народам Поволжья, устья Оки и Заволжья, Волжской Булгарии и к финно-угорским народам Прибалтики. Основные исторические источники исследования — русские летописи. Эволюция имперских программ и проектов рассматривается в связи со сменой поколений князей. Олицетворением поколений стали Юрий Долгорукий (1120–1157), Андрей Боголюбский (1157–1174), Всеволод Большое Гнездо (1176–1212), Юрий (Георгий) Всеволодович (1212–1216, 1218–1238). Постоянным фактором этой политики стала Волжская Булгария. Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо разрабатывали отдельные

географические направления экспансии. Продвижение по Волге и Оке (Городец и Гороховец) с замыканием границ вокруг анклава Черемиси — «проект» Андрея Боголюбского. Всеволод Большое Гнездо осуществлял экспансию в северо-восточном направлении (Устюг). Эти направления были сведены вместе в правление Юрия Всеволодовича. В 1221 г. был основан Нижний Новгород и началась проникновение в земли мордвы. Юрий Всеволодович и его брат Ярослав выработали стратегию противостояния немцам и шведам на землях юго-восточной Прибалтики. Частью этой стратегии стало удержание во власти Древней Руси (Новгорода) соседних финно-угорских племен. Важным средством стратегии стало использование крещения карел.

Ключевые слова: В. Т. Пашуто, имперская дипломатия (внешняя политика), Владимирское княжество, Волжская Булгария, Новгород, устье Оки, Прибалтика, мордва, черемись, карелы, емь.

«Внешняя политика Древней Руси — тема новая» — так начинается труд В. Т. Пашуто, вышедший в 1968 г. Цитата актуальна и сейчас. Небывалый для мировой, отечественной и советской науки опыт изучения внешней политики Древней Руси состоялся по одной важной причине. В. Т. Пашуто опирался на краеугольный тезис советской историографии Древней Руси, обоснованный несколькими изданиями «Киевской Руси» Б. Д. Грекова. Согласно ему, история СССР находилась в том же формационном потоке, что и страны Западной Европы. Синхронно с последней Русь переживала эпоху феодализма (почти минувшая рабовладение) со складыванием «феодального класса» в лице князей, бояр, дворян-гридей и духовенства, с присущим феодализму укреплением вотчин, упрочением имущественных прав, движением интересов феодалов от военного ограбления и присоединения новых территорий к эксплуатации собственных смердов, большой ролью христианской церкви и пр. (Пашуто 1968. С. 5–7). За этой позицией стояли работы историка по проблемам «становления государственности в тесной связи с генезисом феодальных отношений у народов Восточной Европы»: в Прибалтике (прежде всего, в Литве), в Древней Руси и даже в Адриатике (о Корчула) (Мельникова 2001. С. 797). Отсюда следовал вывод о том, что Древней Руси, как и любому феодальному государству Европы, была присуща развивавшаяся внешняя политика.

После такого зачина В. Т. Пашуто увлек читателя в стихию деяний, инициатив, событий, процессов IX–XIII вв. За их реконструкцией стояла грандиозная источниковедческая работа, о чем свидетельствуют приложения, занимающие более трети моногра-

фии. Важной особенностью этого исследования является отсутствие больших обобщений «с высоты птичьего полета». Лишь в эпилоге было обещано исследование внешней политики России в 1240–1480 гг. (Пашуто 1968. С. 302). Выводы, подобные этому, Древняя Русь «сыграла выдающуюся роль в формировании политической карты Европы; балтийский вопрос зародился в домонгольское время (Пашуто 1968. С. 8), — были предвосхищены в предисловии. Данное обстоятельство весьма показательно в историографическом плане.

Выпускник Ленинградского университета В.Т. Пашуто, еще студентом участвовавший в обсуждении книги студента Д.Н. Альшица (Аль 2001. С. 349), формировался как исследователь в аспирантуре Б.Д. Грекова. Именно Грекова в 1934 г. упрекнули в потребительском использовании источников, без внимания к их происхождению («приготовлению») «в своем целом и в своих частях» (Лурье 1996. С. 29). В этом упреке скрывалось имевшееся тогда расхождение между «санкт-петербургской-ленинградской» и «московской» историческими школами.

Первая построена на примате последовательности: источник — факт — концепция. «Московская» школа же зиждется на иной очередности: концепция — подбор фактов под нее и ее проверка фактами — источник. Предлагаемая Д.Н. Альшицем и другими схема «московской школы» (концепция — (подходящий) факт — источник (содержащий «нужные факты») (Аль 2001. С. 364) иллюстрирует крайности вульгаризации «московского» подхода: концепция задает жесткие рамки, определяющие источниковедческое и фактографическое исследование.

Академическое воплощение «московской школы» соответствовало идеологическим требованиям, предъявлявшимся к советской гуманитаристике. Марксистская философия уже создала историческую концепцию, под которую надо было изыскать факты-иллюстрации. Именно так и действовал наставник В.Т. Пашуто — Б.Д. Греков. Казалось бы, по образцу «московской школы» должна была быть построена книга В.Т. Пашуто о внешней политике Древней Руси. Эту книгу хотел написать его учитель (Пашуто 1968. С. 14). Вопреки ожиданиям и предыдущим текстам, исследование В.Т. Пашуто о внешней политике соответствовало традиции Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Так в уже состоявшемся исследователе-«москвиче» прорвалась его ленинградская научная «натура».

Автор только «защитил» себя во Введении необходимыми фразами о должном — феодальном — уровне развития Древней Руси; там же были представлены наблюдения по терминологии дипломатических отношений. И случилось так, что исследователь, использовавший методологию «московской школы», представив сочинение по принципиально иной схеме принципиально иной схеме «источник–факт» (даже на уровень концептуального обобщения историк не стал подниматься: «мы считали целесообразным исходить из источников, чтобы дать читателю по каждому достоверному факту достойную доверия публикацию и ссылку на последнюю работу о нем» (Пашуто 1968. С. 11), заложил большое направление в науке. И уже третье поколение учёных изучает международные отношения Восточной Европы в древности и Средние века в источниковедческо-фактографической системе координат, заданной В.Т. Пашуто, без связывающей концептуальной рамки и жесткой категориально-терминологической сетки. Последнее обстоятельство весьма важно, поскольку исследование истории внешней политики в древности и Средневековье и связанных с ней проблем оказывается открытым для апробации разнообразных новых идей, концепций и методик.

В.Т. Пашуто осознавал этот «перелом» в личном научном творчестве и его последствия, включая и проблемные. А потому он в 1982 г. предложил статью о периодизации истории русской дипломатии раннего и развитого феодализма, где концептуализировал историю древнерусской (домоногольской) дипломатии (Пашуто 2011). Она создавала фундамент для исследования внешней политики русских земель в период освобождения от ордынского ига. Однако этот текст представлял собой расширенный вариант Предисловия «Внешней политики...». Расширение произошло за счет развития взглядов В.Т. Пашуто на категорию «имперскости» и новых предложений по изучению дипломатии эпохи раздробленности.

В Предисловии книги 1968 г. «имперскость» представлена отрицательно: Русь традиционно вступает в союзы, «враждебные экспансионистским устремлениям Германской и Византийской империй» (Пашуто 1968. С. 7). Эта оценка повторена и в статье 1982 г. (Пашуто 2011. С. 208), но там же произошло и ее смягчение в связи с анализом отношений Руси с Византией. Поскольку дипломатическая практика Древней Руси проходила становление в противоречивом преодолении имперских усилий и сопротивления Византии, то Русь, по мнению историка, перенимала у нее

дипломатический инструментарий. Например, в степях многие кочевники становились конфедератами Руси (Пашуто 2011. С. 206). Ученый не сделал ожидаемого логического вывода, что Русь брала имперские практики: ведь они были скомпрометированы той же Византией. Однако в сюжетах, касавшихся регионов, где не было столкновений Руси с Византией или Германской империей, В.Т. Пашуто рассуждал об имперской функции дипломатии Руси и ее княжеств (Пашуто 2011. С. 197, 201–202, 210).

Причины такого изменения отношения к имперскости заключались в подготовке следующей книги по внешней политике княжества Московского, под которым понималась Великороссия (отсылка к видному представителю петербургской школы А.Е. Преснякову с его «Образованием Великорусского государства»?) (Пашуто 2011. С. 212–221). Это был следующий период внешней политики — вторая половина XIII–XV в., — который собирался исследовать Пашуто. И в этом смысле статья 1982 г. о периодизации истории русской дипломатии была пробой пера в написании концептуального предисловия к грядущей, но так и не написанной из-за преждевременной смерти, но так и не написанной из-за преждевременной смерти монографии, подобного предисловию 1968 г. И после такой вступительной статьи ожидалась организация материала по модели, опробованной во «Внешней политике Древней Руси».

Осмысление этой модели позволило В.Т. Пашуто к началу 1980-х гг. дать методологические и терминологические коррективы.

Во-первых, новое исследование было бы посвящено не внешней политике, но дипломатии. Замена первой на вторую и происходит в тексте 1982 г. Несмотря на кажущуюся синонимичность, в таком замещении крылся залог исследовательской независимости от идеолого-философских императивов советской эпохи. Уже в 1968 г. Пашуто выделил внешнюю политику в отдельную сферу с присущими ей закономерностями, логикой причинно-следственных связей, оставив тезисы о периоде феодализма, вассальных отношениях, феодальной терминологии посольской службы в предисловии. Представление в 1982 г. внешней политики Древней Руси и Московского княжества как дипломатии позволило еще больше отойти от этих императивов и снять возможные упреки в их неисполнении.

Во-вторых, была проведена была проведена нейтрализация категории «имперскость» через противопоставление и жесткое разделение ее позитивной и негативной ипостасей. Позитивная

связывалась с древнерусской/великорусской стороной и мыслилась как функция дипломатии — «внутренняя, имперская, — для вассальной сферы неславянских народов» (Пашуто 2011. С. 197), а отрицательная — с экспансией Германской, Византийской империй, а в XIII–XV вв., судя по тексту, Литвы и Орды. И, подобно тому как в древнерусский период, грани между имперской и внешней функциями были подвижны по мере включения неславянских этносов в орбиту Руси (Пашуто 2011. С. 199), в «великорусский» период «внутриимперская дипломатия» сосредотачивалась на Прибалтике, Севере и Поволжье, «где постепенно по мере развертывания освободительной борьбы с ордынцами, ее власть распространялась» на земли нерусских народов и «означало прогрессивное внедрение феодального права на место обычного... замену язычества христианством и патриархальных обычаев нормами церковного суда», включение в «русское управление» местной знати... «Все это несло... наряду с феодальной эксплуатацией... прогрессивные черты просвещения и культуры и содействовало... сближению более отсталых народов с русскими» (Пашуто 2011. С. 213–214). В этих цитатах и кроется реабилитация древнерусской/великорусской имперскости при условиях ее выведения во внутреннюю сферу и противопоставления внешней имперскости противников Руси/Великороссии.

В-третьих, Пашуто, осознавая перетекание дипломатических практик в отношениях между княжествами XIII–XV вв. в сферу отношений с нерусскими народами и внешними контрагентами, выделил для раздробленности уже XII–XV вв. межкняжескую функцию дипломатии как весомый фактор ее истории (Пашуто 2011. С. 208–209, 214–218).

Две последние поправки теперь распространялись и на изученную внешнюю политику Древней Руси, более всего в раздробленности. Внутриимперская дипломатия, рассредоточившаяся по политическим субъектам — «в Прибалтике ведали Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк... в Поволжье — Владимир» (Пашуто 2011. С. 197–198, 210) — позволяла начать исследование формирования полиэтничного политического мира Древней Руси. Заявленный же тезис о межкняжеской дипломатии констатировал упущенную в 1968 г. возможность и намечал перспективы ее наवरствования. Ведь внешнюю политику Руси XII–XIII вв. нельзя представить без увязывания внутрирусских противоречий с ответами на внешние вызовы.

Эти два направления исследовательского поиска, обозначенные В. Т. Пашуто, задают перспективы для изучения внешней политики Древней Руси. Для раскрытия их потенциала надо отказаться от смотрящегося сейчас надуманным разделения имперскости на положительную и отрицательную, то есть признать за Русью, ее княжествами проведение экспансии. Отказ позволит устранить и заложенное в тезис о переходах международной дипломатии во внутримперскую оценочное противоречие, перевести обсуждение его в нейтральную плоскость. Тогда на первый план исследования выйдет динамика и последовательность действий в том или ином дипломатическом направлении.

Историографическая легализация экспансии во внешнеполитических практиках древнерусских княжеств обуславливает признание мотивов корысти, господства-подчинения, а также «прогрессивного внедрения феодального права на место обычного... замены язычества христианством и патриархальных обычаев нормами церковного суда». Поскольку прогрессивные стороны экспансии прописывались В. Т. Пашуто и для ордынского, и для древнерусского периода, то надо указать на важную особенность княжеской экспансии в домонгольское время. Ее оборотной стороной были грабеж, стремление к военной добыче. Так можно объяснить летописные формулы триумфов походов князей на неславянские народы, сводящиеся к взятию полона, сжиганию и потраве жита и пр. Подобные формулировки встречаются во владимирском, киевском, новгородском, галицко-волынском летописании, в текстах, в большинстве случаев написанных монахами, поэтому вряд ли они являются литературными клише, никак не пересекавшимися с реальными целями и результатами походов.

Роль военной экономики в древнерусской истории была раскрыта в статье Е. А. Мельниковой. В ней доказывается, что военная экономика, удовлетворявшая потребности дружины, сыграла важную роль в формировании Древнерусского государства в IX–X вв. (Мельникова 2017). Однако в первые десятилетия истории раздробленной Руси тоже шел политогенез — на региональном уровне. В этих условиях надо ожидать «второе рождение» дружины, с помощью которой князья добывают себе киевский престол, сокрушают соперников, отстаивают свои земли, противостоят внешней по отношению к Руси агрессии... И это возвращение дружины должно было реанимировать те ее основы, которые стали было уходить в начале XII в. — когда дружинники стали оседать на

землю (Горский 1989. С. 74–87). В ходе децентрализации Руси князья перемещались, а вместе с ними мобильной оказывалась и дружина. Эта дружина, не успевшая прирасти к земле, могла быть движителем внешней экспансии.

Существенными затруднениями системного исследования древнерусской внешней политики XII — первой половины XIII в. с проверкой тезиса об имперских практиках являются ее фрагментированная разнесенность по разным княжествам и акторам, неравномерная сохранность источников. Для их преодоления эффективным может стать всестороннее изучение имперской дипломатии одного княжества в следующих аспектах: 1) по отношению к претензиям на номинальное общерусское доминирование; 2) в плане отношений с соседними древнерусскими политическими образованиями; 3) в плане отношений с иноязычными и иноверными соседями; 4) в плане взаимоотношений с крупными христианскими государствами, такими как Византия, Венгрия и др. (не исключается предложение и других проблемных блоков). Так возможно наиболее полное представление внешней политики раздробленной Руси с гипотетическим заполнением лакун. Летописными данными по истории дипломатии в XII–первой половине XIII в. сравнительно хорошо обеспечены Владимиро-(Ростово)-Суздальское, Галицко-Волынское, Смоленское, Черниговское княжества, Новгородская республика и Киев.

В качестве «испытательного полигона» методологических предложений В. Т. Пашуто по изучению имперских практик Древней Руси XII–XIII вв. в настоящей статье выбрана дипломатическая история Владимиро-(Ростово)-Суздальского княжества. Поскольку системное рассмотрение всех аспектов его дипломатии — от внутрирусского до международного — выведет текст за рамки даже большой статьи, то предлагается опыт изучения политики князей Северо-Восточной Руси в домонгольское время по отношению к неславянским нехристианским народам. Локально эти объекты внешнеполитических интересов находились: 1) от левого берега Клязьмы ниже Владимира к верхней и средней Волге, на юг от нижней Оки; 2) в Восточной Прибалтике. Тем самым будут рассмотрены те практики владимирских князей, которые В. Т. Пашуто сам называл имперскими применительно к периоду XIV–XV вв.

Указанные выше характеристики имперскости раздробленной Руси до нашествия Батыя надо проверять во временном аспекте. За время с начала раздробленности и до монгольского нашествия сменилось 4–5 поколений князей. Они прошли путь от признания новой политической реальности, сопровождавшегося определением границ и противников, до выстраивания и реализации стратегий поведения в этой реальности.

Князья Северо-Восточной Руси не следовали плавно один за другим в династической непрерывности. Смерть Юрия Владимировича в Киеве в 1157 г. открыла путь к власти его сыну Андрею, поспешившему выгнать своих братьев и племянников. Внезапная гибель Андрея Боголюбского в 1174 г. положила начало усобице детей от второго брака Юрия Долгорукого с сыновьями и внуками его старшего сына Ростислава. На разных этапах этой схватки 1174–1178 гг. существенное влияние на нее оказывали Рязанское, Черниговское княжества и Новгород. Победителем вышел Всеволод Юрьевич, за несколько лет до этого воспринимавшийся на Руси как князь «второго ряда» с уменьшительным именем *Дмитрок* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354). Очевидно, что Всеволод решал иные задачи, имел другие внешнеполитические приоритеты и стратегию, нежели Андрей.

Такие прерывистость и случайность в династической истории Владимиро-Суздальского княжества требуют особого внимания к историографическим представлениям о личных «имперских программах» Юрия Долгорукого и его потомства. Если Юрий зарекомендовал себя настойчивым претендентом на киевский стол, гарантировавший, как казалось князю, достижение общерусской власти, то его сын Андрей порвал с этим курсом. Он сделал ставку на признание фактического лидерства среди Рюриковичей и превращение Владимира-на-Клязьме в реальный центр власти в общерусском масштабе. Оба вектора сошлись в организации погрома Киева в 1169 г. и похода на Новгород в 1170 г. Фиаско последнего поставило преграду на пути политического возвышения Владимира, но не помешало ему стать в один ряд с Черниговом, Смоленском и другими важными центрами того времени.

Для того чтобы говорить о державных интересах Всеволода Юрьевича, надо учесть особенности его биографии. Родившись в 1154 г., Дмитрий-Всеволод мог видеть отца только до двух лет. В 1161/62 гг. 7-летний княжич оказался с матерью в

византийских землях на Дунае (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521). В 1169 г. 15-летний Всеволод отмечен на юге Руси (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354; Т. 2. Стб. 543). До 1174 г. он находился там, выполняя поручения старших по статусу князей. В 1176 г. 22-летний Всеволод оказался на владимирском столе. Он был лишен наглядных уроков политического поведения на Руси, политического завещания, державной программы и пр. Всеволод был младше своих соперников-племянников, детей Ростислава Юрьевича (ум. в 1151 г.). Вероятно, ровесником Всеволода был и его племянник Ярослав Мстиславич, вернувшийся с ним из Византии. И он долго не воспринимал всерьез дядю, занявшего владимирский престол. Свидетельством тому является разыгрывание Ярославом «новгородской карты», что и привело к его пленению Всеволодом в Волоке-Ламском в 1178 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 386–387). Что уж говорить о восприятии другими Рюриковичами — черниговскими, смоленскими, волынскими, да и рязанскими — Всеволода-Дмитрока, внезапно появившегося в 1169 г. в политическом пространстве Руси и обосновавшегося на владимирском столе после Андрея Боголюбского.

Укорененными в Северо-Восточную Русь оказались только дети Всеволода. Они были первым поколением князей, которые родились и выросли в Залесской земле. К рубежу XII–XIII вв. границы княжеств устоялись, династии в них укрепились. Всеволодовичи были правителями Залесской земли по праву рождения, у них не было конкурентов в лице двоюродных братьев и их потомков — их в 1212 г. не осталось. Поэтому с поколения детей Всеволода Большое Гнездо и проявляется устойчивый интерес владимирских князей к финно-уграм Поволжья и Поочья, а также к Прибалтике. Постоянным фактором внешней политики Юрия Долгорукого и его потомков — последующих владимирских князей — была Волжская Булгария.

Отношения

Владимирского княжества с Волжской Булгарией

Анализ этой проблемы затруднен тем, что политическую историю Булгарии в XII–XIII вв. освещают только русские летописи. А они сообщают только то, что были болгарские города, которые штурмовали владимирские дружины, и были болгарские князья (правители? полководцы?).

В 1107 г. было отбито нападение болгар на Суздаль (ПСРЛ. Т. 24. С. 72–73; Т. 33. С. 40). После этого Мономах в 1108 г. за-

ложил город Владимир и крепость Ярополч (рядом с совр. Вязниками), перекрывшие пути вторжения по Клязьме внутрь Залесской земли (Кучкин 1984. С. 72), и направил туда сына Юрия. В 1120 г. состоялся его поход на болгар (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292; Т. 2. Стб. 285–286). Гипотетическое увязывание этой акции с антиполовецким походом другого сына Мономаха в 1120 г. позволяет отнести ее к державным мероприятиям киевского князя (Кучкин 1996. С. 37).

После 1107 г. болгары более века не нападали на земли Руси. Уникальное сообщение Типографской летописи о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. является поздней вставкой (Кузнецов 2006; см. возражения этой гипотезе: Лаушкин, 2019). Военные акции Андрея и Всеволода Юрьевичей против болгар в 1164, 1172, 1183, 1186 и 1205 гг. оказываются актами экспансии. Примечателен поход 1164 г. Он подается в летописи как победоносное шествие иконы Богородицы. В результате похода был взят Бряхимов и сожжены три города (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352–353). Победа 1164 г. остается единственной, осененной иконой Богородицы. Мессиянская подоплека осталась лишь уделом политики Андрея Боголюбского. Одним из итогов похода 1164 г. было основание Городца, впервые упомянутого в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях зимой 1171/72 гг.

Поход 1183 г. на болгар был общерусской акцией, в которой, кроме залесских полков, участвовали рязанские и муромские князья, дети черниговского (на тот момент киевского) и смоленского князей, племянник Всеволода Большое Гнездо — переяславский князь Изяслав Глебович (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389–390; Т. 2. Стб. 625–626; Т. 3. С. 37, 227). Этот поход стал попыткой легализации в общерусском политическом пространстве высокого статуса Всеволода Юрьевича, утвердившегося во Владимире и решившего проблемы отношений с влиятельными князьями.

Лишь в 1219 г. болгары совершили первый после 1107 г. известный по источникам акт агрессии — напали на Устюг и Унжу (ПСРЛ. Т. 23. С. 67). В ответ в 1220 г. Юрий Всеволодович организовал большой поход на Булгарию, осуществленный братом Святославом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444–445). Поход и угроза его повторения переломили исторически сложившуюся ситуацию на стыке Верхнего и Среднего Поволжья.

В Городце в 1220 г. владимирский князь заключил с болгарами мир (ПСРЛ. Т. 23. С. 68). И в 1221 г. был основан Нижний

Новгород. С этим сюжетом связано представление о том, что болгары передали Владимирскому княжеству земли в устье Оки. Следствием этого тезиса является стереотип, согласно которому ранее этими территориями владели болгары. Это не так, да и четкое маркирование границ и их охрана не были свойственны тому времени. Данное представление основано на сообщении Московского летописного свода конца XV в. о том, что Городецкий договор 1220 г. был заключен «яко же было при отци его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгии Володимеричи» (ПСРЛ. Т. 25. С. 117; см., например: Пашуто 1968. С. 214, 243. примеч. 9). Однако отсылка к договору Юрия Долгорукого выглядит наращиванием ростовского известия, читающегося в Ермолинской летописи, о договоре Юрия Всеволодовича, который был заключен, как и при его отце Всеволоде (ПСРЛ. Т. 23. С. 68). Принять мнение об уступке болгарями устья Оки до 1221 г. мешают два соображения. Во-первых, нет точных данных о границах Булгарии, а границы Владимирского княжества на востоке были размыты и определялись участками течений Волги, Оки и Клязьмы. Во-вторых, стратегически выгодное устье Оки было удалено от Владимира, но еще дальше находилось от Булгарии. Для закрепления там нужны были прочные коммуникации с «метрополией». Их инфраструктура была обеспечена Андреем Боголюбским: при нем появились Гороховец и Городец. В противном же случае град — болгарский ли, древнерусский ли — был бы быстро разгромлен полками противника или автохтонами (что попыталась сделать мордва в 1229 г.).

Зимой 1229 г. болгарский князь не стал нападать на ротника Юрия Всеволодовича — Пурешу, узнав о близости залесских полков (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451). Это событие произошло в контексте русско-болгарской войны 1223–1229 гг. О ней свидетельствует владимирско-болгарский мир 1230 г., заключенный после шести лет розмирья (ПСРЛ. Т. 18. С. 54). Факт этого договора находится в противоречии с Городецким миром 1220 г.: либо второй был нарушен, либо в 1220 г. договор был заключен с одним из нескольких субъектов Булгарии, что не помешало другому(им) начать войну. Заключение договора 1229/30 гг. оказалось как-то связано со «страстями Авраамия», замученного болгарями в Великом городе за отказ перейти в ислам, и перенесением его останков во Владимир (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452–453).

Владимирское княжество и финно-угры

Здесь рассматриваются отношения с финно-угорскими народами, проживавшими в районе Верхней Волги и Оки, а также, применительно к 1220-м годам, и восточной Прибалтике. Для их представления надо отказаться от абсолютизации тезиса о выплате всеми финно-угорскими народами дани Руси. Он базируется на некритическом прочтении фрагмента ПВЛ о народах, дающих дань Руси (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 8) и доверии «Слову о погибели Руской земли». Черемись и мордву можно вывести из перечня данников Руси в ПВЛ (Петрухин 2012. С. 214). Во втором тексте сведения о даннической зависимости разных народов на востоке надо проверять (см., например: Горский 1999), поскольку общая идейная направленность этого произведения обусловлена оплакиванием великого прошлого Руси. Мнение И.П. Шаскольского (кстати, однокурсника В.Т. Пашуто), что вся емь и вся чудь на протяжении всего древнерусского периода систематически платили дань Руси (Шаскольский 1941. С. 100; 1978. С. 22–29), имеет шаткие основания. Их можно интерпретировать и в пользу независимости значительной части этих племен от русских (Кузнецов 2015. С. 78–82). Последним можно объяснить и активные походы владимирских полков против финно-угров в 1220-е гг. — военной экономикой.

Данниками владимирских князей были тоймичи, часть югры, проживавшая на берегах Верхней и Нижней Тоймы (Горский 1999. С. 314–315). Они упомянуты как данники князей Северо-Восточной Руси в «Слове о погибели Руской земли». Новгородцы первыми стали эксплуатировать тоймичей, но при Всеволоде Юрьевиче в 1178 г. был возведен Устюг. Он и позволил блокировать новгородские пути к югорским даням в 1187 г. (Кучкин 2011. С. 26, 27; ПСРЛ. Т. 3. С. 38, 229). Видимо, с тоймичами связано сообщение о том, что Юрий и Ярослав Всеволодовичи не пустили в 1217 г. новгородцев под водительством Семьюна Емина на Тоймокары, вызвав внутривосточный кризис в Новгороде (ПСРЛ. Т. 3. С. 59, 260). В свете изучения имперских практик этот конфликт можно рассмотреть как столкновение на востоке волн экспансии двух политических образований Северной Руси.

При Всеволоде Юрьевиче распространение власти с целью взимания дани шло на восток и северо-восток Заволжья. С этим же географическим направлением, вероятно, можно связать и упоминание похода меченоши Кузьмы Ратьшича на загадочную тепру в 1210 г. (ПСРЛ Т. 1. Стб. 435). Последнюю можно гипотетически

отождествить с одноименной этнической общностью, упомянутой в Троицкой летописи по соседству с пермью (Гимон 2019). *Тепра* как собирательное существительное древнерусского языка женского рода и единственного числа попадает в ряд этнонимов, сосредоточенных в лесной зоне — ареале финно-угров и балтов (Агеева 1990. С. 123). Помещение тепры на восток от Волги позволяет предполагать ее принадлежность к финно-уграм. Такое почти случайное и лапидарное упоминание тепры показывает шаткость и неполноту наших представлений о географическо-политическом кругозоре владимирских князей. Это замечание подкрепляется и наблюдением за черемисью/мещерой, которая раньше не воспринималась как этно-географическая проблема.

Черемись/мещера

В ПВЛ упоминается черемись: «а по Оце реце где потече в Волгу же Мурома языкъ свои и Черемиси свои языкъ Морьдве свои языкъ»; «языще иже дань дают Руси»: «Мурома Черемись Мордва» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10–11; Т. 2. Стб. 8). По этим перечням представляется последовательность народов вверх по течению Оки от устья: мордва — черемись — мурома. С середины XIII в. в источниках оним *Черемись* заменяется *Мещерой*: в перечне Толковой Палеи XIII в., составленном на основе ПВЛ; в ряде летописей в части, соответствующей ПВЛ (Московский летописный свод (МЛС), Софийская I, Новгородская IV, Новгородская Карамзинская (ПСРЛ. Т. 25. С. 339; Т. 6. Вып. I. Стб. 6; Т. 4. Ч. I. С. 5 и др.)). Замена была произведена, вероятно, в связи с известием 1392 г. о получении в Орде московским князем прав на Нижний Новгород, Городец, *Мещеру* и Торусу. Это сведение выражало интересы Москвы в обосновании прав на новые владения. Среди них — Мещера, бывшая ранее во власти нижегородских князей (не Рязанская Мещера). То есть замена Черемиси Мещерой в ПВЛ была сделана задним числом для узаконения присоединения последней. И Гороховец, находившийся на границе этой Мещеры и в XIV в., «был нижегородским» владением (Кучкин 2011. С. 119).

Оним *Черемись* покрывает регион левобережья Нерли, Клязьмы (ниже устья Нерли), Оки (ниже устья Клязьмы) и правобережья Волги (от Городца до устья Оки). По суше *Черемись* ограничивалась дорогой: Владимир — Боголюбово — село Омут у Суздаля — на север и далее на восток — Городец (Кучкин 1984. С. 204). Вероятно, *Черемись* — хороним, обусловленный этнони-

мом, чья языковая природа не ясна. Лишь его принадлежность к этнонимам — собирательным существительным единственного числа женского рода (Агеева 1990. С. 123), а также соседство в ПВЛ с финно-угорскими мордвой, муромой, позволяет предполагать его финно-угорскую природу. И с *Черемисью* между течениями Клязьмы, Оки и Волги, с заходом на правый берег Оки, где возникла *Мещерская* Поросль (Горбатов), совпадает *Мещера*. Локализация *Черемиси/Мещеры*, прослеживаемая по антропонимам XV–XVI вв. и ойконимам, прямо не относится к марийцам-черемисам и рязанской Мещере.

Андрей Боголюбский начал охватывать *Черемись* в кольцо. При нем возникли Гороховец (в 1158–1174 гг.) и Городец. Гороховец вместе с Ярополчем, Стародубом (1217 г.) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 442) и Владимиром укрепляли правый берег Клязьмы как границу с Черемисью. Путь от Владимира к Городцу по суше окружал Черемись с севера. Замкнуло кольцо основание Нижнего Новгорода в 1221 г. (см. подробнее: Кузнецов 2017).

Мордва

Изучение событий на востоке Волго-Окского междуречья и к северу и югу от нижнего течения Оки дает пеструю картину: Владимирское, Муромское и Рязанское княжества, булгары, черемись-мещера и *мордва*. После ее упоминания в вводной части ПВЛ редкие сведения о ней в XII в. касаются конфликтов: в 1104 г. мордва нанесла поражение муромскому князю Ярославу Святославичу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279–280; Т. 2. Стб. 255–256; Т. 3. С. 19), а в 1183 г. при возвращении из болгарского похода Всеволод «пусти коней на мордву» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390). Сведения о столкновениях с ней владимирских князей становятся частыми с 1221 г. В 1226 г. состоялся успешный поход Всеволодовичей на мордву (Там же. Стб. 448–449). Осенью 1228 г. поход отряда Василька Константиновича на мордву был остановлен Юрием Всеволодовичем за Нижним Новгородом. В январе 1229 г. мордве Пургаса был нанесен мощный удар войсками почти всего Владимирского княжества, включая ростовскую часть. Весной 1229 г. Пургас напал на Нижний Новгород, но был отбит, а потом его разгромил Пурешев сын с половцами; Пуреш(а) назван ротником Юрия Всеволодовича (Там же. Стб. 450–451). В 1232 г. был совершен еще один поход на мордву (Там же. Стб. 459). Отношения Владимирского княжества с мордвой во второй половине 1220-х гг. переплетались

с войной с Булгарией в 1223–1229 гг. Очевидно, что основанием Нижнего Новгорода, которое надо рассматривать как следствие борьбы с Булгарией, экспансии Владимирского князя по Волге и Оке, изоляции Черемиси, открылись новые рубежи. Княжество вошло в ареал мордвы. Военное продвижение туда подстегивалось и военной экономикой — сообщения о походах часто заканчиваются словами о разорении и полоне.

Половцы на нижней Оке

С конфликтами Владимирского княжества и мордвы связан феномен половцев на нижней Оке. В историографии считается, что Пургас и Пуреш(а) — предводители мордвы. Пуреш(а) — ротник владимирского князя. Но сын Пуреша(и) командует половцами: «Победи Пургаса Пурешев сын с Половци» (Там же. Стб. 451). Итак, в районе Нижнего Новгорода в 1229 г. действует сын ротника владимирского князя с половцами. Если исключить созвучие имен Пуреша(и) и Пургаса, то от мордовской природы первого ничего не остается. Если считать Пуреша(у) мордвином, то тогда имеется единственное упоминание роты с мордвой. Даже если Пуреш(а) — мордвин, то почему его сын руководит половцами? Очевидно, что половцы в лесной зоне к югу от Нижнего Новгорода — данность, придающая имперский колорит владимирскому продвижению на юг от устья Оки.

Военно-стратегическая активность владимирских князей в 1220-е гг.

События на устье Оки в 1220-е гг. во внешней политике владимирских князей оказываются связанными с их деятельностью на северо-западном направлении, в Прибалтике (Кузнецов 2015).

Положение на северо-западных рубежах Руси резко изменилось в конце XII в. из-за крестоносной экспансии и набегов литовцев. Новгороду и княжившим там смоленским князьям выработать адекватное противодействие этим вызовам не удалось. В таких условиях состоялось в начале 1220-х гг., после битвы на Липице в 1216 г., «возвращение» в Новгород владимирского князя — Юрия Всеволодовича. Он добился, чтобы на новгородском столе сидел его сын Всеволод или брат Ярослав. Их военная деятельность в Новгороде до 1223 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 60–61, 262–263; ХЛ. С. 102, 103–104, 134, 135–136) восстановила военно-политический паритет в Прибалтике.

В 1223 г. Ярослав Всеволодович под влиянием восстания эстов и их призывов о помощи (ХЛ. С. 102, 134) совершил большой поход на Колывань (Ревель). После 1223 г. политика залесских князей и новгородцев в Прибалтике не имела общерусской поддержки (ХЛ. С. 104, 136). Ни сын, ни брат Юрия Всеволодовича не могли лишь своими силами вести большую войну в Прибалтике. Они действовали там, опираясь на силы всего княжества. Об этом свидетельствует сообщение Хроники Ливонии о взятии Орденом в 1223 г. Юрьева, из защитников которого в живых был оставлен только один «вассал... короля Суздальского» (Там же. С. 104–107, 137–140). После падения Юрьева Всеволод не смог остановить дальнейшее заключение мира Новгорода с немцами и бежал (ПСРЛ. Т. 3. С. 63–64, 267–268). Зимой 1224/25 г. в Новгороде утвердился Михаил Черниговский, но владимирский князь вытеснил его (Там же. С. 63–64, 267–269), способствовав вокняжению там Ярослава в конце 1225 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447–448).

Зимой 1226/27 г. Ярослав Всеволодович с новгородцами ходил на емь «и повоева всю землю, и полонь приведе бещисла»; поход был совершен туда, «где же ни единь от князей Руских не возможе бывати», а пленных было так много, что русские дружинники часть их посекали, но еще больше отпустили обратно (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270; Т. 1. Стб. 449). В следующем году более 2000 емян на лодках «придоша... воевать въ Ладозское озеро». Против них выступили и ладожане (и новгородцы под руководством того же Ярослава). Ладожане разгромили врага в водном бою, а потом на островах и побережье. Оставшиеся в живых налетчики устремились в леса, но были избиты ижорянами. Те же, кому удалось избежать гибели, были выловлены «Корелой» и уничтожены (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270).

В 1227 г. Ярослав крестил корел (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). Сведения об этом в статье Лаврентьевской летописи, вероятно, восходит к владимирскому великокняжескому летописанию (Приселков 1996. С. 137–138, 142), что косвенно свидетельствует о согласовании планов Ярослава с владимирским князем Юрием. В том же году Ярослав сжег четырех волхвов на «Ярославли дворе» (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270). Религиозное рвение владимирских князей было обусловлено борьбой за души финно-угров, на которые претендовали епископы от Рима, опиравшиеся на военную силу шведов. Подобных мероприятий владимирские князья не проводили в Поволжье, поскольку тамошним финно-уграм экспансия какой-либо империи не угрожала.

В 1228 г. Ярослав, приведя полки к Новгороду, готовил поход на Ригу. Войск было много, из разных частей Залесской земли. Новгородцы отказались выступить на Ригу. Ярослав отослал полки (Там же. С. 65–66, 271–272), затем участвовавшие в рейде на Пургаса зимой 1229 г. Ярослав в 1234 г. провел поход на Юрьев и заключил мир на выгодных для Новгорода условиях. В летописи сказано, что это был большой поход, совершенный силами новгородцев и множеством полков Ярослава (Там же. С. 72–73, 283). Это были полки и других князей Северо-Восточной Руси. Следовательно, эта акция была в русле внешнеполитического курса Юрия Всеволодовича. Сам договор касался, очевидно, и раздела земель, заселенных чудью.

Данные факты позволяют представить размах военно-политических акций Владимирского княжества. Деятельность залесских князей в Прибалтике в первой половине 1220-х гг. развивалась одновременно с войной с булгарами и походами на мордву. Владимирские полки в 1220-е гг. направлялись то в Поволжье, то в Прибалтику. Обращает на себя внимание готовность владимирских князей вести последовательную стратегическую политику в зоне, далекой от их непосредственных интересов, как это было в Поволжье. И в данном случае имперская политика среди неславянских народов переплеталась борьбой за подчинение Новгорода и противостояния имперской экспансии Ордена, Швеции и католической церкви.

Итоги

На протяжении 1120-х–1230-х гг. дипломатия князей Северо-Восточной Руси обнаруживает имперские тенденции. Но преемственности в них не было. Они зависели от индивидуальных особенностей князей и поколенческого фактора. В отношении Булгарии князья претворяли в жизнь разные модели. Юрий Долгорукий в 1120 г. действовал как исполнитель воли киевского князя. Поход 1164 г., организованный Андреем Боголюбским, подавался как триумф Богородицы, и связан с ее прославлением (Успенский собор Владимира, Церковь Покрова, праздник Покрова, икона, взятая из Вышгорода). Поход Всеволода Юрьевича в 1183 г. решал вопросы его статуса внутри Руси. Поход 1220 г., поводом к которому стал набег булгар на Устюг и Унжу, был нацелен на продвижение по Волге и закрепление в устье Оки. Нельзя закрывать глаза и на материальную составляющую похода: ведь, узнав о бо-

гатых трофеях, Юрий Всеволодович стал собирать полки для повторения успеха (что и подтолкнуло болгар к переговорам). Проявления военной экономики обнаруживаются в рейдах небольших владимирских отрядов на болгар в 1172, 1186, 1205 гг. — первым руководил сын Андрея Боголюбского, двумя другими — воеводы Всеволода Большое Гнездо.

В силу такого развития дел Волжская Булгария как фактор постоянной внешней политики владимирских князей до 1219 г. теряет свои прежние масштабы. Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо используют ее в 1164 и 1183 гг. для реализации своих больших и даже отвлеченных проектов — Богородичного и внутрирусского соответственно. Булгария была достаточно далека от Владимирского княжества. Можно лишь предположить, что походы в 1164, 1183 гг. были нацелены на некоторую нейтрализацию болгар, дабы они не помешали Андрею Боголюбскому продвигаться по Волге от Ярославля к Городцу и по Клязьме к нижней Оке (Гороховец), окружая Черемись, а Всеволоду Юрьевичу — совершить бросок от основанного Устюга к тоймичам и повлиять на тепру. Собственно, это и были основные направления двух сыновей Юрия Долгорукого по отношению к финно-уграм. Сил каждого из них хватало на осуществление только одного конкретного намерения-направления, что зависело и от личных предпочтений. Преемственности здесь не наблюдается. Но эти внешнеполитические линии оказались продолженными и сопряженными в правление Юрия Всеволодовича (и его братьев).

«Тоймокары» оказались удобными для давления владимирского князя на Новгород. Набег болгар на Устюг, основанный при Всеволоде, подтолкнул к организации мощного похода. Следствием его стало основание Нижнего Новгорода, завершившего продвижение по верхней Волге и Оке, начатое Андреем Боголюбским, замкнувшего в естественные границы Черемись. Такой успех открыл возможность для вторжения на территории непосредственно к югу от Нижнего Новгорода. Они были заселены преимущественно мордвой, но там были и половцы, подчинявшиеся ротнику владимирского князя Пуреше(у). С мордовским объединением непримиримого Пургаса русские князья воевали, что давало возможность удовлетворить экономические потребности дружин.

В 1220-е гг. наблюдается небывалый в истории Залесской Руси всплеск внешнеполитической активности, построенный на имперских принципах. На востоке поход на болгар в 1220 г. дал начало

цепи событий: мир с булгарами, основание Нижнего Новгорода, 6-летняя война с булгарами, расширение и укрепление Городца, столкновения с мордвой... В эти процессы вовлекались все силы Владимирской Руси. Налицо активная и систематическая деятельность владимирского князя международного и имперского характера в Среднем Поволжье. На Северо-Западе тоже обнаруживаются новые для владимирских князей черты политики. В борьбе за подчинение Новгорода они стали использовать уязвимость его территорий и сфер сбора дани в Прибалтике и неумелость в ответе на вызовы со стороны Ордена, Дании, Швеции. Именно тогда последовал новый вызов — христианизация со стороны Рима, а потому был актуализирован инструментарий религиозной войны, впервые использованный Андреем Боголюбским в 1164 г. Владимирские князья настолько преуспели в этом, что крестили целый народ (впервые после князя Владимира).

Вообще, именно деятельность владимирских князей на северо-западе позволяет представить масштабность их внешнеполитического мышления. Находясь в потоке решения приземленных задач военной экономики, подчинения своей власти конкретных земель, они объективно возвышаются до понимания и защиты общерусских интересов. Это оказалось связанным с внутренней логикой политической истории раздробленной Руси, когда определились структура, расстановка сил, иерархия княжеств. Данные процессы завершились как раз к началу XIII в. Кроме того, дети Всеволода Большое Гнездо оказались первыми князьями, которые чувствовали себя природными правителями Северо-Восточной Руси, и на это их положение никто не покушался (исход битвы на Липице в 1216 г. продемонстрировал это). Они и стали вести себя с полным пониманием задач внешней политики именно Владимирского княжества.

Во всем этом они были не уникальными. Точно так же сыновья Романа Мстиславича оказались первым поколением, родившимся и выросшим с пониманием себя как правителей Галицкого-Волынского (а не только Волынского) княжества. И, когда Даниилу Романовичу с братьями удалось утвердиться на княжеском столе, они принялись реализовывать военно-политические задачи в отношении ятвягов (судавов), типологически близкие к имперским действиям владимирских князей на востоке. Сопоставление внешнеполитических практик северо-восточных практик и юго-западных Романовичей может стать предметом отдельного исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- Аль Даниил.* Историю Россию рассказывает Санкт-Петербург. СПб.; М., 2001.
- Гимон Т. В.* Тепра (Тепьра) Лаврентьевской и Троицкой летописей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 9–14.
- Горский А. А.* Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.
- Горский А. А.* К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. LI. С. 313–320.
- Кузнецов А. А.* О достоверности сведения о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2006. Сер. Ист. Вып. 2 (6). С. 94–104.
- Кузнецов А. А.* Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 65–77.
- Кузнецов Андрей.* Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // Ruthenica. Київ, 2009. Т. VIII. С. 66–96.
- Кузнецов А. А.* Черемись-мещера Нижнего Поочья // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности. Саров, 2017. С. 61–65.
- Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 10. С. 35–56.
- Лаушкин А. В.* К сложению негативного образа волжских болгар в летописании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 34–37.
- Лурье Я. С.* Предисловие // *Приселков М. Д.* История русского летописания XI — XV вв. СПб., 1996. С. 4–29.
- Мельникова Е. А.* Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 795–802.
- Мельникова Е. А.* Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // ДГ, 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 390–440.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // ДГ, 2008 год: Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство: избранные статьи. М., 2011. С. 197–221.
- Петрухин В. Я.* Финские племена и призвание варягов // ВЕДС-XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 211–216.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997; Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998; Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000; Т. 6: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007; Т. 23: Ермолинская летопись. М., 2004; Т. 24: Типографская летопись. М., 2000; Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Емь и Новгород в XI–XIII веках // Ученые записки ЛГУ. Серия Исторических наук. 1941. Вып. 10. С. 93–115.

XI — «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского // *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII–1270 г. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2002. С. 77–141.

Andrey A. Kuznetsov

IMPERIAL FEATURES OF DIPLOMACY OF THE VLADIMIR PRINCIPALITY AMONG NON-SLAVIC NATIONS

The article deals with the manifestation of imperial trends in the foreign policy (diplomacy) of the Vladimir (Rostov) Principality in 1120–1238. The first part of the article is historiographic. Following the works of V. T. Pashuto, the author considers the phenomenon of foreign policy as identical to the phenomenon of diplomacy. The author argues that V. T. Pashuto, being a representative of the “Moscow historical school”, wrote a book about the foreign policy of Old Rus’ in the style of the “St. Petersburg historical school”. The first part of the article traces the evolution of V. T. Pashuto’s estimation of categories “Empire”, “Imperial” — from negative (in relation to the diplomacy of Byzantium, the German Empire) to neutral-positive (in relation to the nations and tribes in the economic and political orbit of the Old Rus’). V. T. Pashuto’s rehabilitation of the category “imperial” occurred in the period 1968–1982. It is proved that imperial diplomacy was manifested in the era of political fragmentation. The imperial function of foreign policy is defined as expansion and as inclusion of different peoples and cultures in the orbit of statehood. For an effective study of the foreign policy of Old Rus’ in the era of fragmentation, it is necessary to consider the diplomacy of a separate large state entity (principality) in the system of all its directions. There are four aspects of manifestation of imperial diplomacy. One is related to relations with non-Slavic non-Christian peoples who lived in the neighborhood. The impetus for imperial policy in the form of expansion was the military economy. It provided the needs of the princely squads. Their number increased during the period of disunity. The second part of the article is devoted

to the study of the dynamics of the imperial diplomacy of the princes of Vladimir (Rostov) Principality in relation to the neighboring non-Slavic nations of the Volga region, the mouth of the Oka and the Trans-Volga region, Volga Bulgaria and the Finnish peoples of the Baltic Sea basin. The main historical sources for the research are Russian Chronicles (*letopis'*). The evolution of imperial programs and projects is considered in connection with the change of generations of princes. The leaders in subsequent generations were Yuri Dolgoruky (1120–1157), Andrey Bogolyubsky (1157–1174), Vsevolod Bol'shoe Gnezdo (1176–1212), Yuri (George) Vsevolodovich (1212–1216, 1218–1238). Bulgaria became a constant factor of their policy. Andrey Bogolyubsky and Vsevolod Bol'shoe Gnezdo set geographical directions of the expansion. The spread of power to the Volga and the Oka (with the foundation of Gorodets and Gorokhovets) together with the closure of borders around the Cheremis' enclave is considered to be a "project" of Andrey Bogolyubsky. Vsevolod Bol'shoe Gnezdo expanded borders in the north-east direction (Ustyug). These directions were united in the reign of Yuri Vsevolodovich. In 1221, Nizhniy Novgorod was founded and the penetration in the land of the Mordvins began. Yuri Vsevolodovich and his brother Yaroslav developed a strategy to confront the Germans and the Swedes in the South-Eastern Baltic. Part of this strategy was the retention in power of Old Rus' (Novgorod) neighboring Finno-Ugric tribes. An important means of strategy was the use of baptism of the Karelians.

Keywords: V.T. Pashuto, Imperial diplomacy (foreign policy), Vladimir Principality, Volzhskaya Bulgaria, Novgorod, Oka mouth (estuary), Baltic region, Mordva, Cheremis', Karelians, Em'.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-19-41